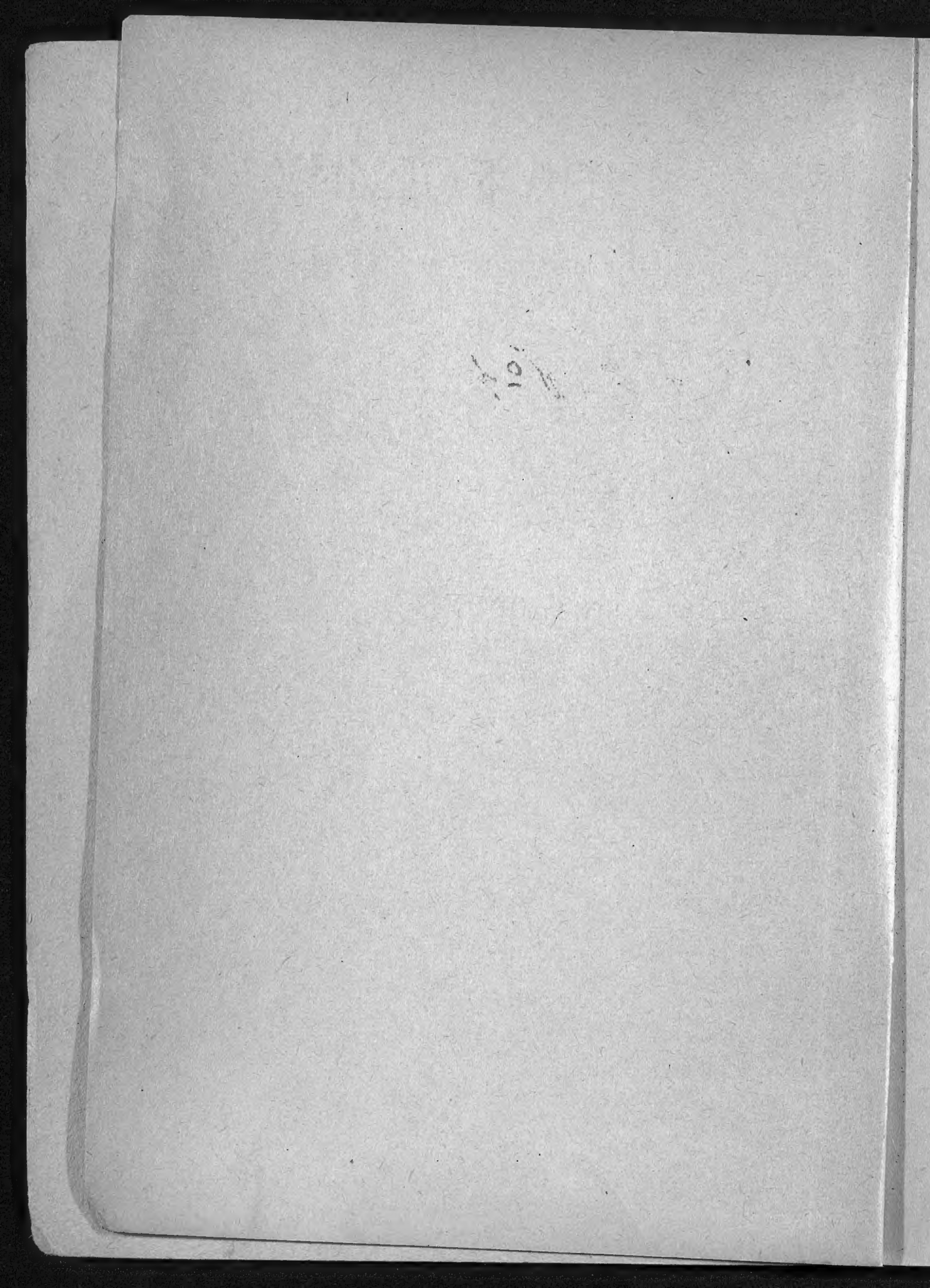
П. С. НАХАБОВЪ.

ЗА РОДИНУ!

(Въ свободную минуту послѣ боя).

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

ЗА РОДИНУ.

(ВЪ СВОБОДНУЮ МИНУТУ ПОСЛѢ БОЯ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

П. С. НАХАБОВА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

ТИПОГРАФІЯ
Л·Д·САПЕРЪ
ВЛАДИМІРСКІЙ·7·

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕРЕДЪ ВЫСТУПЛЕНІЕМЪ.

На Восточно-Прусской границѣ заря занимается.
Чу... Горнистъ протрубилъ,
Знамена яркимъ сіяніемъ вверхъ взвиваются
Часъ урочный пробилъ.

Какъ морская волна степь колышется.—
Призадумалась рать.
Пламень жгучей мольбы чутко слышется
За Царя всѣ идутъ умирать.

Предъ народомъ, какъ Богъ появляется
Нашъ Монархъ Николай и конь.
Въ Его чистыхъ глазахъ загорается
Сильной воли огонь.

Онъ рукой осѣнилъ грудь могучую
И на небо взглянулъ:
Рѣчь сказалъ, какъ огонь, сильно жгучую
И рукой махнулъ.

Вдругъ раздался сигналъ выступленія
И повисли штыки,
Всѣ пошли безъ тревогъ и волненія
Доблестной Руси полки.

Задрожала земля. Кавалерія
«Молніей» пронеслась,
Загремѣла, какъ громъ артиллерія,
Солнце скрылось изъ глазъ.

ВѢСТЬ О ВОЙНѢ.

До тебя востокъ далекій
Вѣсть тревожная дошла,
Что на грань Руси широкой
Вражья сила налегла.

Всѣ посады и селенья
Врагъ поклялся сжечь въ пути,
Женъ, дѣвицъ для наслажденья
Въ плѣнъ навѣки увести;

Жизнь счастливую, простую
Обезчестить, разрушить;
Вѣру чистую, святую
Въ Русскомъ сердцѣ задушить.

Какъ по манію пророка
Всѣ любовію горя,
Въ битву двинулись съ востока
За Россію и *Царя.*

Будемъ вѣрить: да, поможетъ
Богъ свершить послѣдній пиръ,
Чтобы тяжбы уничтожить
И внести на землю миръ.

БОЙ.

Міръ свершаетъ праздникъ дикій,
Въ сердцѣ жалость угасилъ;
Смерти призракъ одноликій
Грозно крылья распустилъ:

Въ тучахъ дыма пушки воютъ,
Свищутъ пули, кони ржутъ;
Рвутся ядра, землю роютъ,
Въ мукахъ страшныхъ люди мрутъ.

Тамъ взрываются фугасы,
Кони, люди вверхъ летятъ,
Шапки, красные лампасы
Въ дымномъ воздухѣ горятъ.

Вонъ на грудахъ тѣлъ убитыхъ
Вновь полки сомкнулись въ бой;
На поляхъ, войной изрытыхъ
Вновь ложится строй на строй.

Вижу, съ шашкой обнаженной
Мчался юноша *герой*,
Пулей дикою сраженный,
Внизъ склоняется главой.

Скачетъ конь и ищетъ тщетно
Сѣдока средь мертвыхъ тѣлъ...
Черно поле, безотвѣтно,—
Ангелъ смерти пролетѣлъ...

У ручья съ водою алой
Командиръ сѣдой лежалъ
И портретъ рукой усталой
На груди своей держалъ.

При сигналахъ наступленья
Онъ кинжалъ искалъ рукой...
Нѣтъ, по волѣ провидѣнья
Твой послѣдній здѣсь покой.

У подбитаго лафета
Сынъ прижалъ отца къ груди...
Не шуми главой ракита
Тщетно къ жизни не буди...

Но вотъ пушки замолчали
Мракъ ползетъ по полю съ горъ.
Чу... Съ кургана заиграли
Трубачи къ палаткѣ сборъ.

СМЕРТЬ НА ВОЙНѢ.

Подъ развѣсистой старою елью,
Между сѣрыхъ съ уступами скалъ
На пескѣ подъ дырявой шинелью
Умирающій воинъ лежалъ.

Кровь изъ ранъ ужъ наземь не сочилась,
Стонъ тяжелый предъ смертью затихъ,
Жизнь послѣдней картиной явилась,—
Грезой сладкой воскресла на мигъ.

Ему снилась надъ Дономъ станица,
Садъ зеленый, родной хуторокъ,
Черноглазая чудо-дѣвица,—
Для свиданій глухой уголокъ.

Видѣлъ онъ мимолетно пирушки
Отъ вечерней зари до утра,
Гдѣ шипѣли налитыя кружки...
(То была юной жизни пора).

И проснулся. Смерть клала на очи,
На уста и на сердце *печать*.
Стыла кровь. Въ немъ ужъ не было мочи
Эскулапа на помощь позвать.

Санитары тамъ въ землю сырую
Опускали съ носилокъ бойцовъ.
И молитвою грустно-святою
Іерей отпѣвалъ мертвецовъ.

Стаи вороновъ черныхъ кружились
Надъ струями алѣвшей *ръки*,
Гдѣ недавно съ отчаяньемъ бились
Трехъ державъ молодые *полки*.

Смолкли ярые вопли и крики,—
Только трупы и ружья лежатъ,
Да казачія длинныя пики
Изъ земли почернѣвшей торчатъ.

Онъ припомнилъ горячую битву
Утомленной грудью вздохнувъ.
За *Царя* и Россію молитву
Онъ сказалъ и навѣки уснулъ.

КАРТИНЫ ВОЙНЫ.

Въ царствѣ широкой свободы,
Въ рамахъ безбрежныхъ полей
Дона хрустальныя *воды*
Льются въ пучину морей;

Звѣзды купаются въ ихъ глубинѣ
Гдѣ-то далеко, далеко на днѣ
Меакомъ окутаны *ивы*
Какъ привидѣнья стоятъ,
Вяза зеленыя *гривы*
Тихо листвой шевелятъ.

Низко звѣзда прокатилась вдали,
Будто хотѣла коснуться земли
Въ царствѣ волшебницы ночи,—
Матери тайнъ и сновъ,
Люди, закрывъ свои очи,
Спятъ послѣ дневныхъ трудовъ.

Отдыхъ имъ нуженъ. Вѣдь завтра опять
Рано, до зорьки, придется вставать.
Лишь у березы сонливой,
Въ дальній собравшійся путь,
Юноша-воинъ красивый
Къ дѣвѣ склонился на грудь.

— Милая Анна, довольно рыдать,
Горя большого еще не видать.
Дни, какъ минуты промчатся,
Море угаснетъ *огня*,
Дали опять прояснятся,
Вѣрь, для тебя и *меня*,
Помни, твоя лишь съ любовью рука
Будетъ ласкать послѣ битвъ казака».

— «Вася, ты знаешь, насъ двое,
Ночь да развѣсистый садъ...
Чуетъ мое ретивое:
Ты не вернешься назадъ,
Гдѣ-то, далеко не въ нашемъ краю
Сложишь головушку милый свою...

Быстро вспорхнула зарница
Въ капляхъ росинокъ горя;
Время,—намъ надо проститься,
Вишь загорѣлась *заря*...

Слились уста въ поцѣлуѣ и онъ
Хуторъ оставилъ, невѣсту и Донъ.
Противъ насилій тевтона
Двинулись грозно полки,
Съ Шилки, Урала и *Дона*
Въ битву пошли казаки;

Тихо дремавшій Кавказъ исполинъ
Выслалъ дѣтей изъ ущелій, долинъ.
Острый кинжалъ супостата,
Броню железную щитъ,
Сила героя солдата
Русскаго все сокрушитъ.
Склонятъ германцы свои знамена
И больше не будетъ на свѣтѣ война.

Анна съ тоскою встрѣчаетъ
Праздникъ великій Покровъ.
Вѣсточку вдругъ получаетъ:
«Анна, я живъ и здоровъ,
Съ поля убійства и моря огня
Конь невредимымъ выноситъ меня.

Чую я, сила *молитвы*
Другъ мой, спасаетъ меня,
Въ вихрѣ удушливой битвы
Смерти не жалитъ змѣя.
Будетъ конецъ этой страшной борьбѣ
Съ крестикомъ бѣлымъ пріѣду къ тебѣ».

Бой развернулся въ долинѣ,
Сходятся съ крикомъ полки.
Пушки стоятъ на вершинѣ
Голой скалы у *рѣки*,—

Жерлы раскрыли и смерть понесли
Въ тучахъ тумана и сѣрой пыли.
Будто шумятъ водопады
Лавой холодныхъ каскадъ,
Красной кометой снаряды
Воютъ, грохочатъ, свистятъ,

Рвутся фугасы и вихри огня
Въ воздухъ бросаютъ героя, коня.
Смерть тамъ живыя—рождаютъ,
Колютъ, стрѣляютъ и жгутъ,
Съ славой одни умираютъ,
Къ смерти другіе идутъ.

Хмурится небо, трясется земля,
Трупы убитыхъ устлали *поля.*
Полкъ погибаетъ въ загонѣ,
Знамя выносятъ за строй,
Скачутъ безъ всадниковъ кони
Въ адѣ войны міровой,

Ржаніемъ зовутъ и на павшихъ глядятъ
Тщетно. Товарищи мертвыми *спятъ.*
Съ чувствомъ надежды и муки
Вырвать своихъ изъ *бѣды*
Дѣды герои и *внуки*
Стали подъ знамя въ ряды.

Жизнь позабывъ, лишь любовью горя
Вышли за вѣру, Россію, *Царя.*
Юноша кровью исходитъ
Нѣкому рану заткнуть,
Смерть ему очи заводитъ,
Стынетъ съ надеждами грудь.

Тяжко и долго онъ съ раной стоналъ
Анну какую-то все вспоминалъ.
Аннушка вышла. *Румяны*
Сладкой надеждой горятъ,
Скрылись съ дороги туманы,
Очи, какъ звѣзды, блестятъ.

Къ жизни открылся вновь радостный путь,
Счастьемъ наполнилась дѣвичья грудь.
— «Гаша, что грустная стала?
Пѣснь споешь про войну».
— Анна, ужель не слыхала,—
Милый Андрюша въ плѣну.

Вѣсточку вчера Гаврилычъ принесъ...
Плакала. Пролила рѣченьку слезъ.
Онъ тамъ въ неволѣ далеко,
Въ дикой нѣмецкой странѣ,
Плачетъ, груститъ одинокій...
Легко-ли, Аннушка, *мнѣ?*

Крылья бы дали, въ глухую тюрьму
Легкой голубкой слетала къ нему,
Слезы-бъ его осушила.
(Думушку въ сердцѣ больномъ).
Грудь-бы его облегчила
Вѣстью о краѣ *родномъ...*

Въ длинныхъ рѣсницахъ блеснула слеза
Ярко, какъ блещетъ алмазъ, бирюза.
Всѣ опечалились *дѣвы*,
Горе ложилось *плитой*,

Пѣсенъ родимыхъ напѣвы
Ужъ не лились тамъ волной.
Всѣ молчаливо искали вину:
«Кто это вызвалъ такую войну»...

НА ЗЛОБУ ДНЯ.

«Пѣсня».

Въ сторонѣ чужой на нѣметчинѣ
Сложилъ голову добрый молодецъ.
Близъ большихъ озеръ подъ березою
Онъ одинъ лежитъ съ черною раною.

Кудри русыя не расчесаны,
Лицо бѣлое не обмытое,
Замерла въ рукахъ шашка острая
Пика длинная переломана.

Тихо капаетъ кровь горячая
Изъ груди его на сырой песокъ.
Надъ главой его стоялъ добрый конь
Будто вымолвить онъ хотѣлъ ему:

«Ты проснись и встань добрый молодецъ
Поѣзжай на мнѣ къ молодой женѣ,
Къ отцу, матери, къ малымъ дѣточкамъ.

Надъ твоей головой черны вороны
Вьются стаями съ воронятами;
Они выклюютъ очи ясныя,
Выпьютъ кровь твою молодецкую».

«Нѣтъ, не вставать ужъ мнѣ
На чужой землѣ,
Не скакать домой изъ нѣметчины
Ты бѣги одинъ къ Дону тихому;
Эту вѣсть неси отцу, матери,
Молодой женѣ и двумъ сиротамъ».

СОНЪ ВИЛЬГЕЛЬМА.

Ночью одно изъ многихъ видѣній
Появилось Вильгельму во снѣ
И сказало: «послушай рѣшенье
О послѣдней кровавой войнѣ:

Ты, покоя и мира гонитель
Со вниманіемъ слушай и вѣрь,
Есть на свѣтѣ для слабыхъ Спаситель
И для сильныхъ убійственный звѣрь.

Разорветъ твою броню стальную,
Крѣпкій щитъ разсѣчетъ пополамъ,
Твое царство, какъ падаль гнилую
Броситъ въ пищу кровавымъ орламъ.

До основы сотретъ всѣ *посады*.
Въ плѣнъ возьмемъ половину людей;
Твои рощи, сады, винограды
Всѣ засохнутъ отъ моря огней.

По деревнямъ и селамъ шакалы
Будутъ бѣгать, какъ своры собакъ,
Тѣ богатства, что бросили Галлы,
Подберетъ молчаливый варнакъ (казакъ).

На поляхъ землеробъ за сохою
Не пойдетъ съ пѣсней звонкою въ Май;
Стороною твоей мертвой, глухою
Не пройдетъ караванами *чай*.

И взорветъ всѣ заводы, гдѣ лились
Для войны пушки, ружья, штыки;
Стѣнъ не будетъ, гдѣ долго учились
Убивать твои гунны—полки.

Твоихъ мыслей коварныя крылья
Онъ обрѣжетъ для блага страны,
Уничтожитъ навѣки насилья
И кровавыя волны *войны.*

Здѣсь не будетъ съ винтовкой солдата,
Новый миръ геній въ жизнь возродитъ,
Съ чистымъ сердцемъ, любовію брата
Онъ пустыя поля заселитъ.

И видѣнье рукой указало
Гордецу на алѣвшій востокъ,
Гдѣ земля еще глухо стонала,
И шумѣлъ боя ярый токъ.

КОВАРНЫЙ СОСѢДЪ.

(Король Прусскій).

Въ побѣдахъ не видя сомнѣнья,
Съ презрѣньемъ вглянулъ на любовь
Онъ высказалъ гордо велѣнья
Лозунгъ мой: побѣда и кровь,

Объятый гордою думой,
Взялъ карту Россіи, взглянулъ
Съ нѣметчиной скучно угрюмой
Въ глухія мечты утонулъ.

И съ волей владыки полміра
(Европы извѣстный гордецъ)
Бросаетъ, какъ демонъ съ эфира,
Изъ пушекъ въ Россію свинецъ.

Послушный велѣнію всадникъ
Бросается въ яростный бой,
Гдѣ ужасовъ смерти разсадникъ
Ужасный кровавый и злой.

Несчастный, Ты Руси не знаешь
Коварною думой сгорѣть
И рано съ улыбкой считаешь
Трофеи химерныхъ побѣдъ.

Отъ Бѣлаго моря до Дона,
Отъ Вислы на Дальній Востокъ
Раздался отъ Царскаго трона
Призывныхъ воззваній потокъ.

Съ надеждою свѣтлой на Бога
Любовью могучей горя,
Покрылась бойцами дорога
По мощному зову Царя.

Не льстись на чужія владѣнья
Не вѣрь въ свои пушки и флотъ,
Возсталъ великанъ для спасенья
Славянскій могучій народъ.

Потонутъ твои пароходы,
Наземь цеппелины падутъ
И трупы—холодныя воды
Далеко въ моря унесутъ.

Видѣньями будутъ являться
Умершіе въ грозномъ бою,
Змѣею холодной врываться
Въ тщеславную душу твою.

Какія ты бѣды и горе
Война по землѣ разнесешь.
Какое великое море
Ты крови народной прольешь.

ВИЛЬГЕЛЬМУ.

Для чего ты, гордецъ,
Миръ попралъ и покой
И въ Россію свинецъ
Бросилъ адской рукой?

Ложно вѣришь въ себя,
Кайзеръ, мыслью гнилой.
Русь раздавитъ тебя
Съ Австро-Венгріей злой.

На пушистыхъ снѣгахъ
Православной земли
Злой татаринъ и ляхъ
Спать навѣки легли.

Предъ страной міровой
Крымъ навѣки угасъ,
Горделивой главой
Приклонился Кавказъ.

Отъ Уральскихъ высотъ
До восточныхъ морей
Шли подъ Русскій оплотъ
Много сильныхъ царей.

Русь могла пережить
Много горя и зла,
Въ битвахъ знамя сложить
Никому не могла.

Твердъ и силенъ былъ Русъ?
Не склонилъ внизъ главу,
Когда сильный Французъ
Жегъ и грабилъ Москву.

По Европѣ прошли
Грозной Руси полки,
По Парижу несли
Боевые *штыки*.

Твой изъ стали кулакъ
Разогнется въ борьбѣ;
Въ гости смѣлый казакъ
Въ Берлинъ съѣздитъ къ тебѣ

На «Елену» съ тобой
Онъ гулять поплыветъ,
Здѣсь же миръ и покой
Царства свѣтъ зальетъ.

ОСИРОТѢВШІЙ.

— Что ты ходишь, мама,
Въ комнату одна,
И о чемъ тамъ плачешь
Долго у *окна*?

Ты бывало пѣсни
Часто пѣла мнѣ
О цвѣтахъ, о птичкахъ,
Солнышкѣ, *веснѣ*.

Пѣла про казачьи
Храбрости въ бою,
А порою *пѣла*
Даже пѣснь мою:

Какъ въ свѣтелкѣ низкой
Огонекъ горитъ,
Какъ одна старушка
Въ ней больна лежитъ...

Ты мнѣ говорила
Часто мама такъ,
Что мой папа храбрый,
Удалой *казакъ*.

Пусть тогда стрѣляетъ
Въ турка изъ ружья,
А потомъ на смѣну
Стану ему я.

— «Пуля даже храбрыхъ
Не щадитъ въ войнѣ...
Жить-то какъ придется
Одинокой *мнѣ*?

Я давно больная,
Ты же еще малъ,
Чтобы пашней въ полѣ
Въ домѣ управлялъ.

Вотъ я и молюся
Вышнему Творцу,
Чтобъ онъ жизнь оставилъ
Твоему отцу.

Когда придетъ папа,
Я тогда опять
Тебѣ буду пѣсни
Новыя спѣвать.

О его походахъ
Въ Берлинъ, Краковъ, Львовъ
Чтобы уничтожить
Мiровыхъ враговъ.

Впрочемъ, онъ разскажетъ
Самъ тогда тебѣ
Объ этой великой
Міровой борьбѣ.

Спи, мой милый! Поздно
Ужъ взошла луна...
Я одна побуду
Ночью у окна.

КЪ ВОЙНѢ

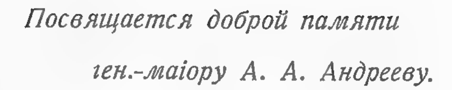
Кто сей дерзкою ногою
Перешелъ отчизны грань,
Вызвалъ съ гордостью слѣпою
Русь великую на брань?

Сила мирнаго славянства,
Ему мнилось,—умерла,
Въ ласкѣ-ль гордой лютеранства
Ему сказкою была?

Онъ, объятъ весь мыслью дикой,
Одного понять не могъ,
Что въ душѣ Руси великой
Есть надежда:—Вѣчный Богъ.

Міръ, любовь, завѣтъ народный,
Другу доброму привѣтъ.
Будетъ сытъ пришлецъ голодный,
Но врагу пощады нѣтъ.

Посвящается доброй памяти

ген.-маіору А. А. Андрееву.

Передъ жизнью моей панорамы
Начиная отъ ранней зари,
Промелькнули величія храмы,
Мудрецы, полководцы, Цари.

Промелькнули, какъ дѣтскія сказки,
Какъ картинки волшебныя съ глазъ;
Только Ваши сердечныя ласки
Въ сердцѣ будутъ въ посмертный мой
часъ

Этотъ часъ прокатился звѣздою,
Пѣснью нѣжною въ сердцѣ затихъ,—
И навѣки сохраню я душою
Этотъ свѣтлый въ судьбѣ моей мигъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

На великихъ началахъ создалъ тебя Богъ
И горячее сердце вложилъ,
Выше тварей земныхъ Онъ умомъ надѣлилъ,
Чтобъ надъ всѣми ты царствовать могъ.

Красоту, силу-мочь, долголѣтніе дни,
Въ жизнь вступая, какъ даръ получилъ;
Отъ животныхъ и птицъ даромъ словъ
И тебѣ покорились они. [отличенъ,

Всѣ желанья Свои написалъ на челѣ,
Огніемъ неба зажегъ твою кровь;
Получилъ ты свободу и закона-любовь,
Но не такъ ты жить сталъ на землѣ.

Что-жъ ты сдѣлалъ съ дарами Творца въ
долгій вѣкъ?
Все попралъ. Создалъ цѣпи и гнетъ
И рукою начертанный къ свѣту полетъ
Ты забылъ. Человѣкъ, Человѣкъ!

ПОЗАБУДЬ.

(Посвящ. С. А. Качинской).

Позабудь, милый другъ, навсегда
Нашу тихую дружбу въ пути,
Я усталъ, надломилась судьба
Не могу уже дальше идти.

Стынетъ кровь, добрый другъ, не кляни.
Я прошелъ жизнью данный мнѣ путь,
Улетѣли веселые дни,
Одиночества требуетъ грудь.

Помнишь ты: я любовью горѣлъ,
Страстью пылкой стремился къ тебѣ
При тебѣ угасалъ и старѣлъ.
Покоряясь гнетущей судьбѣ.

Миновалась какъ радужный сонъ,
Наша вмѣстѣ святая мечта,
Лишь порой вырывается стонъ
Изъ груди подъ насильемъ креста.

невольно тебя оскорбилъ,
Нарушилъ сокровенный обѣтъ,
Но тебя я одну лишь любилъ
Съ той поры, какъ знакомъ сталъ мнѣ свѣтъ.

Сохрани, если можешь, въ груди
Мое имя. Себя не губи,
Также въ жизнь величаво иди,
Веселись, и страдай и люби.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНІЕ.

(Л. Ба—дъ).

На прощанье мнѣ крестикъ надѣла
И сказала: „Храни тебя Богъ“.
Больше словъ ты сказать не успѣла,
Одинъ видѣлъ я вздохъ.

Крѣпко вѣруя въ Богомоленья,
Словомъ нѣжнымъ твоимъ окрыленъ;
Часто слышу въ минуту сомнѣнья
Голосъ тихій: „Ты будешь спасенъ“.

ДРУГУ.

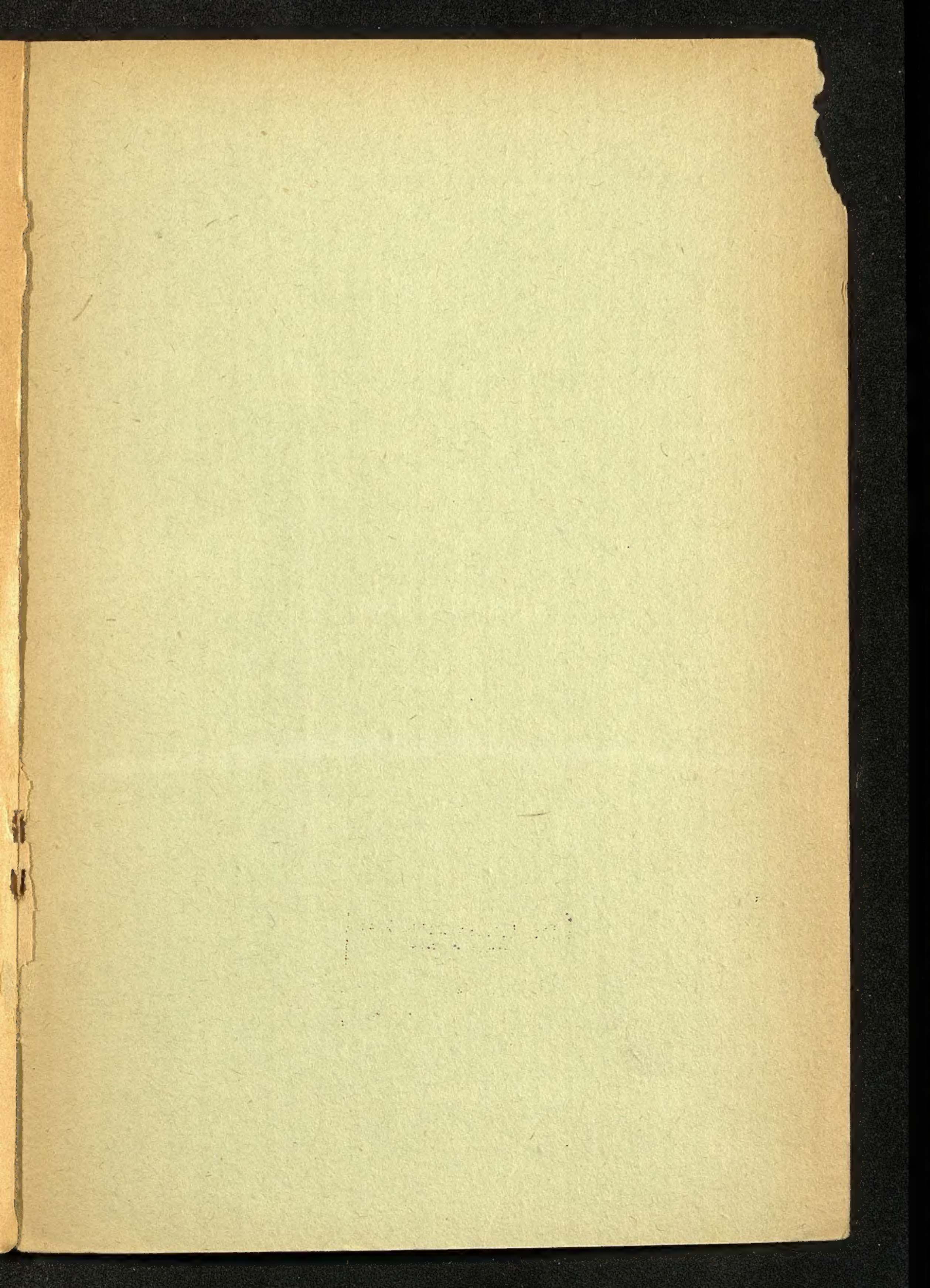
Жизни вѣтеръ неустанный
Холодитъ дыханьемъ кровь,
Помнишь-ли, мой другъ желанный,
Весну, молодость, любовь?

Какъ же скоро наше счастье
Перешло желаній грань?
Злая старость какъ ненастье
Шлетъ съ избыткомъ свою дань.

Стынетъ кровь и хрипнетъ голосъ,
Слухъ тупѣетъ, сердце жметъ,
Зрѣнье слабнетъ, выпалъ волосъ,
Жизнь конецъ послѣдній ждетъ.

Мы разстались. Я далеко
Въ тундрахъ сѣверной глуши,
Ты страдаешь одиноко
Болью сердца и души.

Милый другъ! На сѣверъ съ юга
Прилети ко мнѣ скорѣй
И холодную грудь друга
Нѣжной ласкою согрѣй.

Цѣна 50 коп.